

Правда, знали больше по фотографиям в газетах да по тем снимкам, которыми открывались экспозиции очередных его выставок. Михаил Михайлович редко выходил из дому. Разве что в ближайший магазин №8 за продуктами. С обычной авоськой или, как их было принято называть в пермских краях, сеткой.

Раз в год, ближе к осени, в Соликамск завозили бананы. Тут уж благообразный дедушка выстаивал любую очередь, а когда однажды удалось купить целых два килограмма экзотических по тем временам фруктов, был просто счастлив.

Ну ещё бы. Как Потапову не любить бананов да фиников — египтянин всё-таки.

Большинство из нас знает этого удивительной судьбы человека именно как «египтянина»: живописца, работавшего над художественным воссозданием эпохи XVIII династии, её портретных и пейзажных штрихов, дворцовых интриг, религиозных исканий и житейских радостей четырнадцатого века до нашей эры... Вспоминается, как автор этих строк, будучи начинающим журналистом, послан был в командировку в совхоз «Северный» близ Соликамска на предмет создания радиопередачи про партийное обеспечение периода зимне-стойлового содержания скота. В Соликамске оказался впервые. Зашёл в художественный отдел музея. Маленькая комнатка. В единственное окошко еле вливается сумрак зимнего вечера. А на стенах — Тутанхамон и Нефертити, Аменхотеп III и царица Тейя, сфинкс на фоне египетского звёздного неба, залитые солнцем, испещрённые иероглифами ворота храма в Карнаке... Жителей северного города, должно быть, также ошеломил прокалённый песок пустыни, просыпавшийся в наждачные уральские сугробы, горячий сирокко, сплетавшийся с хлёсткой снежной позёмкой. Африканское обаяние коснулось и горисполкомовского начальства: впервые увидев «Эхнатонану» Потапова, предложили ему любую квартиру на выбор. Сказка времён советской власти: вот шофёр, поезжайте по городу, смотрите. Поехали. Михаил Михайлович выбрал скромную двухкомнатную в «панельке».

Автопортрет в древнеегипетском стиле, акварель, 1947 г.

Потапов своего угла никогда не имел, на восьмом десятке жил у своего старшего брата в закарпатском городе Хусте. Оборудовал под самой крышей каморку, обставил её почти игрушечной самодельной мебелью, но таскать ведро с водой по чердачной лестнице уже было не по возрасту.

Соликамский музей купил 15 его египетских работ, которые искусствоведы пермской галереи оценили в пять тысяч, очень неплохие деньги по тем временам. Потапов решил и в 1984-м перебрался на 59-ю параллель.

Перевёз из Хуста нехитрые пожитки, самодельные шкаф и старую кровать, в изголовье которой ангел-хранитель в египетском стиле, простерев крылья, оберегал его сон. Может стать, в этой маленькой по-детски кровати он видел сны своего младенчества.

Родился в 1904-м в Варшаве в семье военного доктора. Отец через пять лет внезапно скончался. Будучи уже 78-летним, Потапов нарисовал по памяти его портрет, но точны ли воспоминания первых смутных лет жизни? Дивизионный врач вряд ли мог иметь генеральский чин. После смерти Михаила Ивановича семья уехала из Варшавы. Будущий «египтянин» содержался в московском интернате для дворянских де-

тей-сирот. В 1912-м находился «на расстоянии вытянутой руки» от Николая II на праздновании 100-летия кутузовских побед над Наполеоном.

Гимназистом открыл учебник древней истории — и будто отлистнул слишком далеко назад календарную страницу своей коротенькой ещё жизни. Однако это был какой-то другой календарь. Древний Египет оказался знакомым, как дворы Черкаска и улицы Варшавы. Он мог пройтись вдоль дворцов и храмов древних Фив, стоять на каменных площадях Ахетатона, слышать, как побрякивает ибис, высматривая рыбёшку в тёплой нильской волне. Много позже догадались сопоставить портрет Эхнатона и фотографию молодого Потапова. Сходство оказалось поразительным. Впрочем, сам Михаил Михайлович предполагал, что две тысячи лет назад его душа обитала в теле одного из родственников легендарного фараона. Первый свой набросок на египетскую тему сделал на обороте незаконченного этюда — портрета матери. Эта «двусторонняя» работа чудом сохранилась у одноклассника и теперь висит на стене в квартире-музее в Соликамске.

Донимала, мучила растерянность: почему он помнит давно умершую эпоху, будто для него она по-прежнему полна биением живых пульсов? Гимназисту Мише казалось, что он тронулся умом, до того живы и явственны были его мистические перемещения в страну фараонов и пирамид. Мать, имевшая знакомства в киевском антропософском кружке, посоветовала обратиться за объяснением к адептам эзотерических знаний. Этот шаг оказался если не роковым, то неприятные последствия до конца жизни всё же доставлял: на православного клирика, изучавшего сочинения Блаватской, смотрели косо. На этажерке в квартире-музее Потапова до сих пор стоит томик Штайнера, хоть в конце долгой жизни Михаил Михайлович отрёкся от антропософских «заблуждений молодости», веры в реинкарнацию и метемпсихоз. Очистил совесть и душу. Но не в его силах было уничтожить легенду.

...После революции Михаил с матерью перебрались в Крым. Подошла к концу драматическая сумятица